

в разреженном сиянии востока
в овсяных хлопьях ранних облаков
по прихоти неведомого бога
беспомощна бледна и одинока
дрожит звезда из глубины веков

а в глубине гортани гиацинта
дрожит росинка крошечной звездой
канатоходец сказочного цирка
по хрупкой словно вечность паутинке
стекает по спирали золотой

в побочной теме отзвучав курсивом
так незаметно растворилась боль
там тише всех дышала нота соль
вот за нее отдельное спасибо

Я хочу стать немой. Только слышать, но не говорить,
и тогда уж никто ни о чем меня больше не спросит,
и тогда в оправданье не буду юлить и хитрить,
и косить под тихоню, и выглядеть важной и взрослой.

Я не буду любезничать по телефону и без,
буду взглядом отталкивать пустопорожние речи,
и в глазах моих будет смеяться восторженный бес,
и на глупый вопрос «почему» ничего не отвечу.

Все, что я говорю, — это, в сущности, блеф, ерунда,
а молчание — золото, амбра, медовая брага.
Мне и жестом ответить совсем не составит труда,
и зачем мне слова, если есть карандаш и бумага?

Только... петь иногда и молиться, читая стихи,
и шептать свои глупости там, где кончается вечер,
в твои уши, и детям прощать их смешные грехи —
лишь для этого нужен пока мне еще дар русской речи...

Июль, пятнашки светотеней,
дрожанье лиственных весов,
нестройное переплетенье
ветвей и птичьих голосов,

а я пишу стихи на крыше,
и полдень извела жара,
и грозди спелых сочных вишен
сияют в темноте ведра,

сок по стволу — слезой смолистой,
он продолжает вечный круг
в зеленых капиллярах листьев
и голубых прожилках рук,
все так значительно и просто.
а золотой июльский свет
на бесконечные вопросы
дает единственный ответ,

тревожно-синий вечерами,
прозрачно-тихий по утрам,
и если это — не во храме —
не знаю, что такое храм.
Вверяюсь свету, солнцу, лету,
мерцанию призрачных стрекоз,
и без конца ищу ответы
на Твой незаданный вопрос.

Рождение сюжета

Понедельник смотрит странно
и звучит дорийским ладом,
и взрываются тюльпаны,
детонируя от взгляда.

Скучно жить под одеялом
этих туч из синтепона,
и летит куда попало
неразумный вороненок.

Вороненок, вырастая,
станет вороном? Вороной?
Злым обломком черной стаи —
или конунгом с короной?

Вороненка ждет развязка
пострашнее пасторали —
а пока что эта сказка
не замарана моралью.

А пока схожу за хлебом.
Витаминки пахнут детством.
Утро выглядит нелепо,
выдернуто из контекста,

из кино, из сказок Шварца.
Провода висят печально.
Перезрел — и оборвался
несъедобный плод молчанья.

Крым. Новый Свет

Стволы можжевельника жгутом перекручены
и солнцем отбелены — встряхни да развешивай,
и корни их — змеями, и кроны их — тучами,
и ветви кривляются чертями да лешими.
И солнца — немерено, и волны — не считаны,
и рай мне не светит — сейчас надышаться бы.
День плавится в вечности — распадки, лоцины ли,
обрывы ли строгие, утесы тишайшие...

Гололед в полнолуние. Мир наизнанку.
Пять утра. Дикий страх и несправедный суд.
Кто же так высоко закрепил эту планку?
Не прорвусь. Задохнусь. Унесут. Не спасут...

...Разложить по местам сотню странных предметов
и разлить по стаканам заваренный чай —
я еще одно утро истрочу на это,
но — потом. За окном то ли стон, то ли лай,

то ли кто-то смеется и прячется в тучу,
все блестит, снег летит, голоса воронья...
Все могло быть иначе, и проще, и лучше,
выбор есть — но опять выбираю не я...

...Снег налип на ботинки как мокрая глина.
Минус два. Голова как разбитый рояль.
Слава богу, светает. Пустые витрины.
Тишина... Где луна? Утро. Город. Февраль.

Айнур

Лунолика,
что затаил
твой румянец
на смуглом и нежном?
Что бы ни было —
сдерживать пыль,
слыть — и плыть по земле —
безмятежной.

Что бы ни было —
кратко смолчать.
Твой Silentium —
крылья у птицы.
Только утром, купаясь в лучах
восходящего, —
пылко молиться,

свою веру неся
как вино,
как невинность
на доньшке сердца —
«Дай вернуться в мою Астану
и не дай полюбить иноверца!»

Чужеземка,
ведь это — Москва,
ты же — здешняя наполовину!
...Осторожно
роняет слова
и скучает
по вкусу конины.

Полудетский
упрямый висок...
Сможет,
выдержит все, королева!
А в ресницах —
надменный Восток,
недочитанный
справа налево...

Мне поведает шиповник —
словно пифии оракул —
слаб огонь. Огонь не помнит,
что в нем тлело, что сгорало,

он всегда бывает чистым.
В четких шрамах тонкой кожи
одинок, как нарциссы, —
как нарциссы, мы похожи.

Что — стихи? Всегда — юродство,
беззащитность, форма бреда
или просто степень роста —
флаг стоит, а крыши едут.

Не мораль важна — а сказка,
хеппи-энд — продукт горенья.
У стихов одна развязка —
судорога озаренья.

Все хотят дойти до сути —
суть смеется, ускользая.
А меня шиповник судит.
И поэтому — я знаю.

Анне Ахматовой

Вот и все, Афродита, пора выбираться на сушу
из объятий стихии, ласкающей каждое слово,
долго ждать родника на свою пересохшую душу,
распыляя стихи и стихии в возне бестолковой.

Хлопья пены сияющей меркнут, желтеют, стекают
жалкой струйкой — не спрячешься и не укроешь тревогу.
Вот и боги подходят — ведут — и сады расцветают
в честь твою, и восходишь — куда? На Олимп? На Голгофу?

Здесь почти совпадают две светлые страшные сути,
переходит бессмертная боль по наследству — наградой
за уменье смирить беспощадные жесткие судьбы
с имманентной, единственной роскошью чистой тетради.

Не тебе ли, изнеженной, ветреной, вечно струиться
в царскосельских садах и под слепневским арочным сводом?
Твой отчаянный взлет, легкокрылая редкая птица,
так жестоко совпал с девятьсот восемнадцатым годом...

В принципе, несложно быть фламинго!

Н. Дроздов. Из передачи

«В мире животных»

В принципе, несложно быть фламинго —
розовыми перьями, ветвями,
мыслями — над блеклым сонным миром,
а деревья — стонут, травы — вянут...

Что плохого — просто быть фламинго —
с тонкими ногами первоклашки,
с длинной гибкой шеей балерины
и надменной розовой отмашкой?

Презирать защитную окраску
с дерзостью сестры протуберанца,
продлевать стремительную сказку
на тончайшем диалекте танца.

Видишь — приближаясь, вырастая
вольным отражением рассвета,
пламенеет солнечная стая,
пахнет апельсинами и летом.

Вдоль нее стекает космос зыбкий
в наши души прямо сквозь ресницы.
...Я скучаю по твоей улыбке,
улетевшей до весны, как птица.